

Лана Барсукова

Любовь и выборы

«Лане Барсуковой удастся самое трудное: сделать все эти наши заурядные разговоры, каждодневные происшествия фактом настоящей литературы».

Владислав Толстов,
автор блога «Читатель Толстов»

Лана Барсукова
Любовь и выборы
Серия «Простая непростая
жизнь. Проза Ланы Барсуковой»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61709125
Любовь и выборы / Лана Барсукова: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-110828-1

Аннотация

Что может подарить мужчина на день рождения своей девушке? А если этот мужчина губернатор? Обычный подарок исключен. Фантазия губернатора становится спусковым крючком этой истории, в которой стремительные повороты сюжета превращают любовный роман в захватывающий триллер. Герои пытаются благополучно миновать рифы избирательной кампании. Они идут на риск и переживают разочарования. Но оказывается, что самый важный выбор – это выбор человека, который рядом с тобой.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	19
Глава 2	50
Глава 3	64
Глава 4	72
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Лана Барсукова

Любовь и выборы

Пролог

За месяц до главных событий.

Весна. Брюссель

Мария Соловьева была девушка видная, но несчастная. Все ее несчастье проистекало из безответной любви. Есть чувства, которые не нуждаются во взаимности. Например, ненависть, или зависть, или презрение. Даже лучше иметь их в одностороннем порядке. А любовь требует ответного лучика.

Но избранник Марии не подавал признаков влюбленности. С его стороны не было даже тени интереса к ней. Петр Валенчук, так звали героя ее романа, звенел как натянутая струна. На любовь он не отвлекался и не отзывался. Ему было не до того. В его сосредоточенном взгляде умещался весь мир, где Маша – крохотная точка. А разве можно любить точку? Петр имел планетарное мышление. Он хотел осчастливить весь мир, ну или хотя бы одну страну, желательно Россию. При таких амбициях тратиться на любовь к отдельной россиянке, согласитесь, глупо.

Петр учился в аспирантуре, точнее, оканчивал ее и выходил на финишную прямую, ведущую к защите диссертации. Ему грозило стать кандидатом политических наук. Разумеется, его исследование посвящалось чему-то однозначно актуальному, что могло повернуть общественную реку в новое русло. Но диссертация была не в силах утолить его тягу к переустройству мира. Превыше теории он ценил практику. Никакая учеба не могла помешать ему регулярно и радостно творить добро на общее благо.

Активность Петра распространялась на все движимое и недвижимое, что встречалось на его пути. Его давно выбрали во все возможные органы студенческой самоорганизации, надеясь, что это как-то утомит его. Напрасно. Новые поприща общественной деятельности не укрощали энергию Петра, а лишь распалили его аппетит. На счету Петра – долгий и славный список побед по восстановлению справедливости в отдельно взятом университете. Петр походил на закипающий чайник, из которого валит пар и вот-вот должен сработать выключатель. Но Петр был чайником со сломанным выключателем.

Единственной его слабостью была тяга к путешествиям. Путешествовать он любил со всей страстью и нежностью, на которую только способна душа, не тронутая чувством к Марии.

Да и скучно сидеть безвылазно в Зауральске. Так незатейливо называлась столица Зауралья – региона, похожего на

огромную, заваленную снегом кладовую, из которой страна черпала полезные ископаемые. Расстояние от Зауралья до западных и восточных рубежей родины было почти одинаково. Провинция, одним словом. Но провинциалы обладают особой витальностью и вкусом к жизни. Петр доказывал это, придумывая новые и новые маршруты путешествий.

* * *

Вот и на этот раз собралась прекрасная компания для поездки на майские праздники в Брюссель. Почему в Бельгию? На этот вопрос каждый из членов их компании искал собственный ответ. Всего их было пятеро – молодых, веселых и в меру энергичных ребят. Всех приглашал лично Петр. Только он обладал правом на формирование команды для путешествий.

Сашка, любитель пива, ехал на запах алкоголя. Из всех загадок бытия его больше всего интересовало, различается ли бельгийское пиво, купленное в Брюсселе и в Зауральске. Сашкины помыслы были приземленные и обыденные, что добавляло градус его уважения к Петру с его возвышенными целями и неукротимой волей их реализовать. Не так давно Сашку отчислили из магистратуры, что его, конечно, расстроило. И эта поездка обещала омыть его душевные раны бельгийским пивом.

Лера, подруга Сашки, ехала прицепом к нему. Ее интере-

совало не пиво, а девушки бельгийского производства. Она не хотела, чтобы Сашка начал их тестировать. Задача Леры состояла в том, чтобы ограничить Сашкин исследовательский кураж алкогольной темой. Кроме того, в ее гардеробе имелись потрясающие майки, в которых она мечтала сфотографироваться на фоне писающего мальчика – главной достопримечательности Брюсселя. Так что с мотивацией у нее все было в порядке. Петр пригласил Леру, потому что знал: без нее Сашка не поедет. Балагур Сашка, крайне нужный персонаж в любых поездках, был глубоко законспирированным подкаблучником.

Третий участник экспедиции Дима – парень без особых претензий. Его вполне устраивали пиво и девушки родных просторов. Он был немного помешан на математике и шахматах и поэтому испытывал дефицит в друзьях. Дима познакомился с Петром недавно и находился на стадии первого и оглушительного восторга по поводу его лидерских качеств. На предложение Петра съездить на недельку в Брюссель он ответил судорожным сглатыванием и влажным взором. Так в блокбастерах реагируют на предложение спасти мир. Он чуть не сказал: «Я не подведу». Но вовремя одумался и просто кивнул в знак согласия. Приглашение означало симпатию со стороны Петра, из которой могла произрасти дружба. Дружба с самим Петром Валенчуком! Это так ценно, что никаких денег не жалко. Хотя, если честно, немного жалко, ведь Брюссель – город не из дешевых. Но Дима готов был на

все, чтобы сохранить зародыш наметившейся дружбы.

Наконец, последний член экспедиции – Мария Соловьева. Впрочем, она уже не единожды участвовала в таких поездках. Ее приглашали, можно сказать, на постоянной основе. Петр даже не звал Машу, а просто информировал, куда на этот раз двинется их отряд под его неизменным предводительством. Маша была как талисман, который Петр брал с собой в дорогу. Он привык, что она всегда рядом. Как воздух за окном и как вода в кране. Это меньше, чем ей хотелось. Но больше, чем ничего.

И Маша в очередной раз решила попытать счастья. Отуманенная новыми надеждами, она ехала в аэропорт. Может, хоть писающий мальчик, символ Брюсселя, сможет растопить сердце Петра. Называть своего кумира Петей она не решалась даже в самых смелых мечтах.

Правда, еще в аэропорту ее надежда получила мощный удар под дых.

Петр собрал в кружок всю компанию – терпеливую Марию, возбужденного Диму, предвкушающего Сашку и бдительную Леру – и начал со знакомства.

– Меня вы все знаете, ну а дальше все просто. Саша с Лерой замкнуты друг на друга, но это не мешает им быть дееспособными членами нашей временной банды. Сашка в Брюсселе сразу начнет трудиться над пивом, а Лера, я так понимаю, над их отношениями. – Петр выдержал паузу, чтобы окружающие запомнили имена и оценили его юмор. – А это

Дима, прошу любить и жаловать. Парень с хорошей головой, математик от бога, почти гроссмейстер. Я даже не знаю, как можно быть таким умным...

– Так он, может, не ценит другие проявления прекрасного мира? – съязвила Лера.

Лера не любила тружеников, потому что ей на этом поприще не везло. После отчисления из института она пока так и не нашла чем заняться. Впрочем, она не сильно тяготилась этим.

– Почему же? Ценю... разные проявления, – попытался оправдаться Дима.

– Какие, например?

– Читать люблю, гулять, – покраснел Дима.

– Дима, ты ее гаси с ходу, иначе обнаглеет, – протянул руку помощи Сашка.

– Читать любишь? – Лера не сдавалась. – Инструкцию по уходу за шахматами?

Ребята засмеялись, но не зло. Дима понял, что ему уготована роль мишени для шуток. В любой компании такой человек просто необходим, он сплачивает коллектив. Других претендентов на эту роль нет. Сашка с Лерой не годятся, к тому же их двое, они в связке идут. Петр – главный, это непререкаемо. Остается он, Дима... Хотя вот еще одна девушка стоит, улыбается. Кто такая?

– А это Мария, – словно услышав вопрос, продолжил Петр. – Мы вместе учились еще в магистратуре, потом в ас-

пирантуру поступили... Она, кажется, по социологии пошла. Ну это неинтересно. Короче, она хороший человек и верный боевой товарищ.

Маша покраснела от удовольствия.

– А верный товарищ – это как? Просто товарищ? – подчеркнуто невинно спросила Лера.

– А тебе не все равно? – буркнул Сашка. – Что-то ты сегодня жжешь не по-детски.

Но Петр не смутился и спокойно ответил:

– Лера, тебя интересует, нет ли между нами высоких отношений? Типа как у вас с Сашей? Отвечаю, чтобы утолить твое любопытство: нет. Мы просто товарищи. Ты удовлетворена?

Маша снова покраснела, но уже не от удовольствия. И, чтобы скрыть замешательство, она нагнулась завязать шнурок. Правда, его пришлось сначала развязать.

Предательская капля все-таки выкатилась из глаз и капнула на пол, украсив его темным пятнышком. Ничего нового она не узнала, но услышать это оказалось больно и как-то несправедливо. Ей казалось, у нее еще есть шанс: впереди Брюссель, магия пива и резных ратушей, европейских трамваев и бельгийских вафель. А тут выходит, что шанса нет, приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Просто товарищ... Маша ниже нагнула голову и заметила, что к ее кроссовкам придвинулись чьи-то рыжие мокасины. Мокасины были повернуты к ней пятками.

Она повела взглядом вверх, скользнув по джинсам и невыразительной футболке, и увидела спину этого новенького. Как его зовут? Дима, кажется. Как же он удачно встал, прямо перед ней, загородив ото всех. Постой, пожалуйста, сейчас высохнут пятнышки на полу, сейчас, сейчас... Только пару минут надо. Просто товарищи – это же не чужие люди. Все может измениться в любой момент, и никто не может запретить ей верить в лучшее.

Надежда высушила слезы, и она выпрямилась, забыв завязать шнурок. Дима с непроницаемым лицом отошел к своему рюкзаку.

* * *

Но дни шли за днями, а никаких подвижек на любовном фронте не наблюдалось. Брюссель оказался тихим и дождливым городком, где все туристы играют в одну и ту же игру – разыскивают писающего мальчика, который забился в самый неприметный переулок Брюсселя для своего мелкого хулиганства. Весь исторический центр, заполненный магнитиками, сувенирными тарелочками и брелоками, казалось, присягнул на верность этому пухлому купидону, публично справляющему нужду.

Лера с огромной радостью купила в сувенирной лавочке штопор. Открывать бутылки предлагалось тем самым местом, которым мальчик писал. Лера так громко засмеялась,

увидев этот разгул фантазии, что продавец дал ей хорошую скидку. Сашке сувенир не понравился, и он как-то даже оскорбился выбором Леры. Предложил ей поменять штопор на брелок, но Лера категорически отказалась. Продавец, со-страдаельно посмотрев на Сашу, снова уступил в цене.

В таких мелких туристических радостях проходили их дни. Ничего не происходило и, казалось, уже не произойдет. Петру не хватало сил и времени сосредоточиться на Маше, он постоянно отвлекался на достопримечательности. Но Маша терпеливо ждала. И дождалась.

Ветер, пропитанный запахом вафель, однажды подхватил Петра и понес навстречу Маше. Неожиданно для нее, а может, и для себя самого он пригласил ее покататься на велосипедах. Велосипед не свадебный лимузин – просто товарищеская прогулка. Но Маша так не думала. Она сказала себе: «Лед тронулся», – и с бьющимся сердцем согласилась.

Велик попался дурацкий, крутить педали было неудобно и тяжело. К тому же он неприлично поскрипывал, словно намекая на тяжесть седока.

Но Машу все равно переполняло счастье. Вокруг раскинулся иноземный город, ходили заграничные люди, в воздухе витали незнакомые ароматы. Окружающее напоминало декорацию к ее мечте. Петр ехал совсем рядом, и ветер смешно разбирает его волосы на прямой пробор. Маша переживала, что с ней ветер проделывает ту же штуку, а ей это категорически не идет, поэтому она часто трясла голо-

вой, смешивая волосы в романтическую неразбериху. Получилось смешно и задорно, Петр улыбался снисходительно и с явной симпатией.

В воздухе растворилось тепло и радостная праздность. Вечер вступал в свои права, нашептывая свои нескромные советы. И Петр внял им.

В укромном месте он остановил велик и предложил размять ноги. Маша согласилась, надеясь на большее. И не ошиблась. Петр приблизился, чтобы поправить ее спутавшиеся волосы, и плавно, как будто лениво, приблизил губы, посмотрел в глаза, словно хотел удостовериться в чем-то, и поцеловал долго и тягуче.

Брюссель поплыл перед глазами, радость парализовала Машу. Ее руки остались висеть вдоль тела как плети. Обнять она не смела, слишком неправдоподобно было то, что случилось с ней. Звезда по имени Петр наконец-то приблизился к ее скромной планете, отчего та сошла с орбиты и кувыркнулась в небесном пространстве. Это было событие вселенского масштаба.

Петр оценил урон, нанесенный ее психике, и молча сел на велик. Маша испугалась, что он сейчас уедет и она, оставшись одна, не найдет обратной дороги. Опасность заставила мобилизоваться, и Маша, стряхнув с себя оцепенение, догнала Петра на своем скрипучем драндулете.

Ехали молча, и сначала тишина казалась милой и естественной. Но потом молчание стало тяготить, однако Маша

не смела нарушить его. Все-таки не она тут главная.

– Ты чем по жизни заниматься хочешь? – вдруг спросил Петр.

Вопрос прозвучал так неожиданно, что руль предательски вильнул в Машиных руках. Она еле избежала позорного падения.

– Надо диссертацию дописать, потом, наверное, преподавать начну на кафедре. Может, доцентом стану. Или даже профессором.

Ее планы были какими-то убогими, говорить о них вслух, да еще в такой особенный вечер, совсем не хотелось.

Но Петр почему-то решил продолжить.

– И что? Всю жизнь собираешься на кафедре тухнуть? Ты не думала, что человеку необходима более масштабная задача? Миссия его жизни?

– Да, конечно, – спешно согласилась Маша.

Она облегченно вздохнула. Стало ясно, что Петр решил поговорить вовсе не о ней, а о себе. А вопрос о ее планах— всего лишь подводка к этому действию. Но начал Петр весьма необычно:

– Вот ты едешь и что чувствуешь?

«Что люблю тебя», – чуть было не сказала Маша. Но точно знала, что от нее ждут других слов. А каких? Маша силилась угадать.

– Чувствую, что город красивый, погода хорошая.

– Погода от людей не зависит. А вот про город ты верно

заметила. А нет у тебя такого чувства, что обидно за наших людей, что они всего этого лишены?

«Нет, такого чувства у меня нет», – призналась Маша самой себе. Но только себе.

– Что молчишь? Ты тоже думаешь об этом? Почему наши люди лишены такой архитектуры, такой инфраструктуры, такой размеренной и благоустроенной жизни?

«Потому что у них рубли, а не евро в кошельке», – вертелось на языке у Маши. Но она понимала, что ей отведена роль благодарного слушателя.

– Знаешь, Маша, я вот в депутаты городской думы решил выдвигаться. Надо что-то менять в нашей жизни. И это серьезно для меня. Мне непонятно, как можно жить, как ты живешь. Диссертация, кафедра... Людям нужно больше, чем шесть соток, им нужен весь мир.

«Так это еще Чехов говорил, кажется. И умер во цвете лет», – огорчилась Маша.

– И я не сверну с этого пути. Начну с уровня города, а там... Скоро начнем подписи для моего выдвижения независимым депутатом собирать. Поможешь?

Маша отчаянно закивала. Велик утвердительно скрипнул.

– Хотя я тебя не осуждаю, – милостиво сказал Петр, – все же у женщин на генном уровне другая мотивация защита. Вы приспособливаетесь к миру, а мужчины меняют этот мир. Мужчина еще в пещерный период уходил на охоту и добывал мамонта. Он менял ресурсную обеспеченность семьи. А

женщина уже из имеющихся ресурсов создавала быт.

Приспосабливала добытое мужчиной – шкуру, мясо, кости, то есть обходилась тем, что ей давали. Я таких, как ты или Лера, не осуждаю. Ваше право быть амебами, это оправдано долгой эволюцией. Мир менять будем мы, молодые и настырные, такие как я и Сашка.

– А Дима? – зачем-то спросила Маша.

– Дима... Он умный, но вялый. Такой только в подпорки годится, но в фундамент нового общества его класть нельзя, – задумчиво ответил Петр.

Маша не успевала вести счет открытиям этого вечера. Первое – ее поцеловали, это первое и по порядку, и по степени значимости. Второе – Петр решил двинуться в депутаты, и, похоже, она первая, кому он об этом рассказал. Значит, доверяет. Может быть, даже ценит ее как соратницу и единомышленницу. И еще он рассчитывает на ее помощь. Это тоже можно отнести в копилку личного счастья. Третье – он приравнял ее к амебе, но вроде как без осуждения, просто в порядке констатации факта. Обидно, но справедливо. Борец из нее – как гвоздь из пластилина. Что в итоге? Он станет бороться за все прогрессивное, а она тихо гордиться им и приспосабливать добытые им шкуру и кости для их совместного счастливого будущего.

Оставив велики, они пошли в гостиницу. Петр больше не целовал Машу. При прощании он ограничился нейтральным «пока», и это огорчило ее. Но нет повода раскисать. Раз-

ве может подруга революционера жаловаться на недостаток внимания с его стороны? Нет, она выше этих бабских шуточек. С сегодняшнего дня она начнет выдавливать из себя амебу по капельке, как Чехов выдавливал из себя раба.

И вечером, оставшись одна в своем номере, Маша нашла в Интернете адрес приемной губернатора своей родной области, Зауралья, и написала короткое, но пламенное письмо.

«Добрый день, господин губернатор! Пишет вам Мария Соловьева – жительница Зауралья, которая временно находится в Брюсселе. Этот город является неофициальной столицей Европейского союза, и тут много всего хорошего. Но не все из этого мы можем и должны брать на вооружение. Я имею в виду мирное вооружение. Но есть вещи, которые нужно взять обязательно, и это будет недорого стоить для нашего областного бюджета. Например, велосипедные дорожки. В Брюсселе они повсюду, и можно даже использовать велик вместо трамвая или автобуса. А у нас таких дорожек нет. Ни одной на весь город. А ведь у нас областной центр, и пять месяцев в году нет снега, а значит, можно почти полгода молодым людям экономить на общественном транспорте, тем самым разгрузив его для тех, кто не любит или не умеет кататься на велике. Мне кажется, что это неправильно, это отбрасывает наших людей на задворки Европы. С этим надо что-то делать, менять как-то ситуацию. И желательно в лучшую сторону. Надеюсь, что вы примете меры в этом направлении, и у нас

появятся велосипедные дорожки».

Маша перечитала письмо, подумала и исправила «велик» на «велосипед». Получилось более официально и аргументированно. Довольная собой, ощущая сопричастность к идеям Петра, Маша переписала письмо начисто. Она сознательно выбрала рукописный вариант, справедливо рассудив, что электронное письмо от неизвестной Маши легко затеряется в спаме.

Адрес областной администрации нашелся в Интернете. Завтра с утра заедет на почту и отправит письмо на имя губернатора Зауралья. План по выдавливанию из себя амебы на сегодняшний день был выполнен.

Маша заснула быстро и счастливо, даже не догадываясь, какую бомбу заложила этим письмом под свою жизнь. И не только под свою.

Глава 1

Щедрый подарок

Бетховенское «та-та-та-там», поставленное в качестве рингтона, разбудило Льва Михайловича. Он плохо понимал, который сейчас час. Едва светало, хотелось спать и материться. Но отключать телефон на ночь и игнорировать ночные звонки он себе не позволял. Более того, его мобильный телефон, включенный на максимальную громкость, всегда лежал у изголовья, потому что работа у него была нервной и срочной. Зато выгодной.

Лев Михайлович жил в Москве, а зарабатывал где придется. Он был выездным политтехнологом. Впрочем, он не любил это слово, ведь технология – это что-то поставленное на поток, от него веет конвейерной сборкой и рутинной, штамповкой и стандартом. А то, чем занимался Лев Михайлович, требовало индивидуального подхода и полной креативности. Иногда на грани отчаянного ловкачества. Он обслуживал политическую элиту страны. Правда, про себя он считал, что в стране нет ни политики, ни достойной элиты. Однако даже ночью боялся проговориться об этом самому себе.

Ночной звонок говорил о том, что ему звонят из тех географических широт, где уже наступило утро. Из-за Урала, значит. Лев Михайлович моментально провел ревизию

родных зауральских просторов и не обнаружил поводов для звонка. Выборы губернаторов пройдут этой осенью в нескольких губерниях, но заказы на них уже разобраны. В этом месте Лев Михайлович скривился, вспомнив, как он бился за эти заказы, но проиграл. Такие сбои нервировали Льва Михайловича, потому что свидетельствовали о том, что где-то на самом верху появились кураторы, благоволящие к его конкурентам. Эта мысль последнее время сверлила ему мозг, и он непрерывно пытался вычислить силы, работающие против него. Но своих благодетелей конкуренты не сдавали, поэтому приходилось только догадываться о том, кто именно лоббирует интересы более удачливых коллег. В этом сезоне у Льва Михайловича было негусто с заказами, именно поэтому он так резво подхватил трубку.

На дисплее высветилось «Чернышов». Сердце Льва Михайловича забило возбужденно и оптимистично. Это был губернатор Зауральской губернии, не самой крупной, но и не мелочовки. Но там, кажется, нет выборов в этом году. Что нужно Чернышеву?

– Да, Сергей Палыч, внимательно слушаю! – Лев Михайлович попытался придать голосу нужную пропорцию угодливости и чувства собственной значимости.

– Это правильно, что внимательно, – раздался властный баритон губернатора, – я хочу тебя к нам позвать. Разговор есть. Не по телефону.

Лев Михайлович не первый год крутился в этом бизне-

се и прекрасно понимал, что если губернатор звонит сам, собственной персоной, то фраза «есть разговор» означает «есть работа». И хорошо оплачиваемая. Маленький контракт обычно проходил через замов, не оскорбляя губернатора мизерностью суммы. А если игра идет по-крупному, то тут важно не продешевить. И Лев Михайлович ответил с ленцой:

– Очень постараюсь вырваться, дорогой Сергей Палыч. Но, сами знаете, не все от меня зависит, покой нам только снится, работы по горло.

– У тебя горло на уровне щиколотки, что ли? Тебя же в этом году в нескольких регионах бортанули, если я ничего не путаю, – бестактно напомнил губернатор.

Лев Михайлович скривился. «Хитрый лис, все разноухал», – удрученно подумал он. Стало ясно, что его ставка в этой игре потеряла примерно один нулик в цене контракта.

– Ваши шутки кого угодно обезоружат, Сергей Палыч, – он попытался хохотнуть. – Разве я вам когда-нибудь отказывал? Договорились, вылетаю первым же рейсом. Так что за дело?

– Я же сказал, не по телефону. Все, жду тебя, Лева, – и губернатор повесил трубку.

Лев Михайлович прислушался к гудкам. Они звучали надменно и равнодушно.

В предрассветном полумраке он стоял напротив зеркала и разглядывал отражение немолодого мужчины лет соро-

ка с наметившимися глубокими залысинами, носогубными складками и грустными глазами. «Как мальчишку позвал. Даже в голову не взял, что у нас еще ночь, что у меня могут быть личные обстоятельства... И потом, какой я ему Лева? И почему на "ты"? Он меня на пару лет старше, а обращается со мной как с пацаном. Вот взять да и послать бы его ко всем чертям, пусть сам свои делишки улаживает», – в этом месте ворчливого монолога Лев Михайлович вспомнил, что его чемодан хранится на верхней полке антресолей, просто так не дотянуться, и пошел на кухню за табуреткой.

* * *

День был пасмурный, настроение сонное, а новости плохие.

Студентка юридического института Людмила Шилова чуть не плакала. Поводом для расстройства послужила ее отправка в Англию, в языковую школу.

Девушка канючила:

– Сереж, ну что я там забыла? Я же просила тебя снять яхту, поплавать в Адриатике, как все белые люди. Я что, много прошу? Ну на фига мне на все лето в Англию ехать? Задолбалась я уже этот язык учить.

– Лапуля, – терпеливо уговаривал Сергей, – ты не учишься некоторых обстоятельств. У меня выборы в горсовет в сентябре. Это дело надо на контроле держать, так что летом

я никуда не дернусь. А яхта от нас никуда не уплывет, сразу после выборов и двинемся – как раз в бархатный сезон. Ну что тебе все лето в нашем захолустье сидеть? Я на нервах буду, весь город в пыли... Сама посуди, что тебе тут делать?

– Я вообще уже ничего не понимаю. Ты губернатор или кто? Это Зауралье или где? Это же не твой уровень! Зачем тебе этот горсовет сдался? Есть же мэр, это его огород, пусть он сам с горсоветом и разбирается.

– Лапуля, не надо меня азбуке учить, – голос Сергея Палыча стал строже. – С мэром я как-нибудь сам разберусь. Ты едешь в Англию на все лето, вопрос закрыт. И точка.

В трубке обидчиво замолчали.

Губернатор понял, что перегнул палку, и сменил интонацию:

– А в сентябре, сразу после выборов, ты возвращаешься, и мы отмечаем твой день рождения.

Трубка не оживала.

– Там очень хороший колледж, насыщенная программа, в том числе и культурная.

Трубка хранила молчание.

– Подарок я уже приглядел.

– И что это? – тут же отозвалась Людочка.

– Не скажу. Сюрприз.

– Ну хоть намекни. Ты же знаешь, я теперь мучиться буду.

– Мучайся, лапуля, мучайся, – радостно посоветовал Сергей.

– Ну хоть из какой области? Украшения? Машинка?

– Не угадаешь. Скажу только, что это полный эксклюзив.

Такого подарка ни одна девушка еще не получала. Даже не гадай, все равно фантазии не хватит.

– Ну Сереж, ну пожалуйста, хоть намекни.

– Нет, лапуля, сказал сюрприз, значит сюрприз. Договорились? С меня необычный подарок, а с тебя полное погружение в языковую среду сроком на все лето. И чтобы паинькой там была, отличницей. Даже русскую симку из твоего телефона сдашь мне на хранение. Договорились?

– Это еще зачем?

– Чтобы никаких контактов с родными просторами. Полное погружение. Никаких русских друзей и подружек. Кстати, для твоих родителей надо придумать какую-нибудь легенду, чтобы летом тебя не разыскивали. Пусть спокойно сидят у себя в Вол очках.

– В Верхних Волочках, – строго поправила Людмила. – Да не волнуйся ты так, я уже все придумала, а то достали своими письмами. Прикинь, на бумаге мне пишут, как доисторические неандертальцы.

– И что ты им сказала?

– Что уезжаю на все лето в Арктику.

– Зачем?

– Чтобы волонтером работать.

– В Арктике?

– Ну да. Там пингвины падают, когда вертолет садится.

Их воздухом опрокидывает.

– Допустим. А ты тут при чем?

– Я буду пингинов поднимать. Волонтеры же всем помогают.

Губернатор закашлялся.

– Как тебе идея? – требовательно спросила Людочка.

– Лапуля, прекрасно, у меня нет слов. Только пингины не в Арктике, а в Антарктиде живут.

– Какая разница?

– Да никакой, просто уточнил. Главное, что в Англии тебе будет намного комфортнее, чем в Арктике и в Антарктиде, вместе взятых. Это элитное учебное заведение: язык, конный спорт, гольф... Возьмем тебе в Англии новую симку и будем созваниваться. Я для тебя останусь единственным мужчиной, говорящим по-русски.

– А не по-русски?

– Лапуля, не дразни... Веди себя прилично, не позорь родину. – И он довольно рассмеялся собственной шутке.

– Хорошо, – заворковала Людочка, – стану ходить как панинька. В белых носочках, в коротеньком платьице в шотландскую клетку и без трусиков.

В голосе появились хрипотца и низкие интимные нотки:

– Это чтобы ничего себе не натирать и не отвлекаться от занятий. Да, любимый?

Сергей Палыч нервно сглотнул набежавшую слюну и сжал трубку. Все-таки умела эта бестия взять такую ноту в их

разговоре, что его бросало в какой-то первозданный, подростковый жар. Он так ясно представил ее ноги, вызывающе длинные и ровные, едва прикрытые сверху шотландской клеткой, что закралась предательская мыслишка: «А может, пошел к черту этот горсовет? Плюнуть на все, взять яхту и разложить эти ноги прямо на палубе вместо мачт... И пусть ветер поднимает ее юбку, а под ней чтоб ничего не было...» Но он взял себя в руки, вытер пот со лба и тихо сказал:

– Значит, договорились. Чтоб духу твоего все лето тут не было!

Людочка хихикнула, поняв, что пережил губернатор в эти секунды, и перешла на английский:

– Бай-бай.

– Чао, – не подкачал губернатор.

Повесив трубку, он открыл ежедневник и поставил галочку напротив корявой надписи «Отправить на лето». Он избегал писать имена, свято соблюдая конспирацию даже в собственном ежедневнике. Это было на уровне привычки. Никаких имен и прочих персональных данных. Дело в том, что Сергей Палыч Чернышев был женат и не собирался разводиться.

* * *

Впрочем, конспирации особой не было. О его связи с молодой Людочкой, она же «Мисс Красота» вверенной ему

области, знали все, кто этим интересовался. И в первую очередь его жена. Но она мудро делала вид, что это ее не касается. И была, конечно, права.

Сергей Палыч исправно заботился о ней и семейном бюджете. Супруга губернатора справедливо рассудила, что лучше неверный муж, чем гордое одиночество. Конечно, нормы нравственности, морали и прочего, о чем написаны книжки и сняты фильмы, предписывали другое к тому отношению. Но это все для обычных людей, а ее муж был человеком особенным, ставшим губернатором в сорок с небольшим. Много таких на всю страну? По пальцам можно пересчитать.

Этот факт давно приучил Ирину, жену губернатора, разделять жизненные принципы на те, которые применимы к обычным людям, и те, что служат избранным. Ирина давно для себя решила, что раз по воле случая некоторые люди выделяются из серой массы, то и судить их надо не по законам большинства. Раз судьбе угодно, что ее муж стал главным человеком в области, то и не следует равнять его с остальными во всех прочих отношениях. «Кесарю – кесарево», – повторяла она, засыпая одна в постели, когда муж звонил сообщить, что очередное заседание продлится до утра. «Предупреждает», – удовлетворенно отмечала Ирина, видя в этом подтверждение того, что муж соблюдает некие правила игры. Она понимала: пока эти правила работают, он не отважится на вероломный развод. Это уже беспредел, а беспределщиком муж никогда не был.

Сергей же Палыч привык видеть в жене подобие калькулятора, который способен на две операции: умножать проблемы и делить имущество. Помня об этом, он избегал конфликтов в семье. А за ее пределами не отказывал себе в небольших удовольствиях.

Людочка была очередной попыткой взбодриться, сбросить с себя груз проблем, которые каменной плитой лежали на губернаторе. Сидя на совещаниях, Сергей Палыч иногда впадал в истерику от мысли, что жизнь проходит вот так – пошло и бездарно. Он знал, что подчиненные сдадут его при первой возможности, что народ смеется над ним на своих убогих кухнях. В своей работе он не видел смысла, потому что эти неблагодарные людишки, сколько для них ни делай, как ни старайся, все равно побегут на площадь кричать «Долой!» при первых признаках очередной политической оттепели. В таких обстоятельствах оставаться примерным семьянином он считал чрезмерной жертвой.

Те пассии, что были до Людочки, сверкали ярко и недолго, как бенгальские огни. От них ничего не оставалось, кроме ущерба его банковскому счету. Даже воспоминания о них были какие-то серые, невзрачные, как обугленные железные стерженьки от сгоревших бенгальских свечей.

Но эта студентка, пришедшая в областную администрацию на практику, зацепила Сергея Палыча. Она была какой-то утрированной, законченной стервой. Сергей не любил законспирированных стерв: в них был подвох, как буд-

то его держат за дурака, пряча свою изменную сущность. Людочка ничего не прятала, и в этом заключались ее неотразимая прелесть и наивная доверчивость. Она напоминала девочку из японских мультиков – с огромными глазами, которые превращались в щелочки, когда она смеялась. И одевалась она как в мультиках – радикальное мини и высокие гольфы.

Когда она в таком виде пришла на практику в юридический отдел, вся областная администрация – от заместителя по внутренней политике до начальника охраны – нашла повод зайти к юристам.

Сергею Палычу настучала на странную практикантку секретарша, которую он взял на работу, чтобы избежать сплетен. Таисия Викторовна была не то чтобы пожилой, но явно пожившей на белом свете. На ней даже новые вещи из приличного бутика смотрелись как ретро, привет из бабушкиного сундука. Поджав губы, отчего морщинки стали глубже и резче, Таисия Викторовна поделилась новостью: дескать, это не ее дело, но как честная женщина она не может молчать. Дальше было что-то про дресс-код, про нравственность и деловую этику. Ну и про молодое поколение, к которому она уже давно не принадлежала.

Сергей Палыч сухо поблагодарил секретаршу за бдительность и отправился в юридический отдел. Ему хотелось размяться. Проходя по коридорам, застеленным бордовыми ковровыми дорожками, он загадал. Если у девки кривые но-

ги, выгонит к чертовой матери, пусть в мэрии практику проходит, тут все-таки областная администрация. Надо планку держать. А если ноги надлежащего качества, то выгонит секретаршу. За неумение ценить прекрасное. Да и просто надоела.

Он зашел в юридический отдел и еле сдержал смех. В прежде просторной комнате было откровенно тесно. Мужчины, представители всех отделов и департаментов областной администрации, обратившись к нему спиной, отчаянно жестикулировали, помогая смешной девочке в гольфах и коротенькой юбочке вешать картину.

– Выше возьми, а теперь чуть правее.

– Смести влево и повыше, повыше.

– Может, ей на стул встать? – предложил главбух.

На картине был изображен олимпийский мишка, тот самый, что в 1980 году изумил мир своей антиспортивной фигурой. Сергей Палыч помнил эту картину. Ею подпирали дверцу шкафа в отделе пропаганды. Там работали отъявленные охلامоны, умеющие только языком трепать. На починку шкафа у них не хватало ни собственного умения, ни организаторских способностей. Долгие годы картину приставляли к дверце и вдруг нашли ей другое применение. В процессе примерки картины к стене юбочка девушки задиралась до совсем соблазнительных высот.

Сергей Палыч кашлянул. Народ оглянулся и замер. Кажется, ему обрадовалась только эта странная девочка:

– Ой, я вас узнала. Вы губернатор? Сергей Павлович Чернышев? Раз вы тут главный, то давайте уже что-то решать с этой картиной, у меня руки затекли ее держать.

Потом она оценивающе посмотрела на губернатора, выдержала паузу и как-то по-особому, словно адресуя только ему, сказала:

– Я могу и на стул встать, если надо.

Народ начал тихо просачиваться на выход. В своих преимущественно серых пиджаках они напоминали волчью стаю. А закон стаи гласит: пришел вожак, и добычей распоряжается только он.

Сергей Палыч сначала думал, что перед ним очередная бенгальская свеча. Погорит ярко и недолго и погаснет. Но оказалось, что Людочка способна на большее. Отношения с ней затягивались, он привык к ее капризному тону, к ее игре в большого ребенка. Ему нравилось обыгрывать это в сексуальных фантазиях, которые роились в его голове, пока он сидел на совещаниях, а потом реализовывать их в комнате отдыха, укромно притулившейся в конце его кабинета. Людочка обожала, когда ее наказывали шлепками за плохие отметки по поведению.

Вместо бенгальского огня он получил бикфордов шнур, который угрожающе шипел, приближая неминуемый взрыв. Людочка была динамитом, и губернатор это понимал, но не мог отказаться от нее, оттягивал финал их истории. Он надеялся, что шнур будет гореть дольше, чем продлится его

страсть. И он всегда успеет потушить тлеющий огонек на конце похожего на змею шнура. Сергей Палыч не служил в армии и имел гуманитарное, историческое, образование, поэтому он не знал, что однажды зажженный бикфордов шнур горит даже в воде.

На прошлый день рождения он подарил Людочке титул «Мисс Зауралья». Правда, замахивался на «Мисс России», но цены там были ломовые, Сергей плюнул и ограничился областным уровнем.

Надвигался новый день рождения. И эта особенная де-вушка требовала нестандартного подарка. Ограничиться бриллиантами он не мог. Это как-то буднично. Кольца и сережки дарились просто так, от широты душевной, по поводу хорошего настроения. Бриллианты были рутинной, хоть и с множеством нулей. А день рождения требовал особого жеста. Широкого, как территория вверенной ему области. Такого, на что неспособны все эти бизнесмены, которых он считал просто богатыми плебеями. Настоящими аристократами были только люди, облеченные властью. И вообще, состязаться с бизнесменами в толщине кошелька ему казалось неправильным, несолидным, что ли. Кошелек у него тоже не из худеньких, но он губернатор – почувствуйте разницу. Его подарок должен быть особенным, удивительным и таким, на какой ни один из этих богатых ушлепков неспособен. Кишка тонка! А он, Сергей Палыч, может. Он многое может, он тут главный, над ним только президент. Ну и Бог, конечно,

но это спорно.

Секретаршу Таисию Викторовну он в тот же день уволил, потому что он мужик и слово, данное себе, всегда держит. Это же не обещания избирателям, даже сравнивать смешно.

* * *

Лев Михайлович решил перекусить в самолете, чтобы сэкономить время в пункте назначения. Как любой нормальный человек, он не любил еду в корытце из фольги, которое всегда было таким горячим, будто подогревалось в марте-новской печи. И есть, как барышни Смольного, прижав локти к ребрам, он тоже не привык. Но с этого момента его удовольствия отступали на второй и даже на десятый план, отныне все было подчинено производственной целесообразности. Он экономил время, поэтому стоило поесть в самолете.

Из аэропорта он решил сразу поехать в областную администрацию. Как раз с учетом разницы во времени получалось, что к концу рабочего дня. К этому часу губернатор утомится рулить областью, убедится в том, что его окружают бездари и лодыри, и тут войдет Лев Михайлович, весь в белом. И его креативно блестящие глаза на контрасте добавят ему немало очков. При удачном стечении обстоятельств воображаемые очки конвертируются во вполне реальные нули на банковском счете. Ради этого можно было согласиться на предложение стюардессы:

– Рыба? Курица?

– Мне все равно.

– Рыба или курица?

– Я же сказал, девушка, мне все равно. Дайте что ближе лежит.

Дерзкая стюардесса протянула ему салфетку и покатила тележку дальше.

– Э-э-э... Постойте! – Лев даже не успел понять, что это было. – Я что, салфетку есть буду?

– Вы же сказали дать вам то, что ближе лежит.

– Я пошутил, – пошел Лев на попятную.

Девушка смилостивилась и повторила вопрос:

– Рыба? Курица?

Лев понимал, что не имеет права тратить энергию на споры со стюардессой. Он берег себя для губернатора, поэтому миролюбиво выбрал:

– Ладно, давайте рыбу.

И получил горячую ванночку из фольги. Пока она остывала, он гадал по поводу причины спешного вызова в Зауралье. Да, там осенью выборы, но всего лишь в горсовет. Было бы логично, если бы этим озаботился мэр. Но почему тогда позвонил сам губернатор? Или референдум какой готовят? Может, хотят переименовать областную столицу? Обнаружили, что раньше на этом месте была деревня Поплюйкино? Оригинально, конечно, но и это для губернатора мелко.

С думами об этом Лев приступил к еде. Приоткрыв крышку, обнаружил нечто, весьма непохожее на рыбу. Но, может, такую специально для самолетов выращивают? Попробовал, морщась заранее, и узнал родимую курицу. Лев начал заводиться. Он нажал кнопку вызова борпроводницы.

Дерзкая стюардесса не спеша подошла к нему.

– Девушка, это курица, – привел Лев убийственный довод.

– Допустим. И что? – Она даже не повела бровью.

– Что значит «и что»? Я же просил рыбу.

– Вы говорили, что вам все равно.

– Это я сначала говорил, что мне все равно, а потом я выбрал рыбу.

– Рыба закончилась.

– Так почему вы не предупредили, что дали мне курицу вместо рыбы?

– Потому что вам было все равно, вы же сами так сказали, – чувствовалось, что стюардессе трудно дается внешняя учтивость. Тупые пассажиры ее раздражали.

– Минуточку! – Лев начал заводиться. – Так рыбы не было?

– Сначала была.

– Так какого черта вы меня спрашивали: «Рыба? Курица?» Зачем?

– Потому что у человека всегда должен быть выбор.

– Так ведь рыбы не было!

– Но она сначала была. А потом кончилась.

– Так зачем вы предлагали рыбу? – Лев закипал.

– Я же сказала, чтобы был выбор, – терпеливо, как ребенку, ответила девушка. – Кто просит курицу, тот получает ее. Такой пассажир ест то, что он выбрал. И ему это приятно. А если человек не угадал и попросил рыбу, то я ему объясню, что рыба закончилась, что выбор был, просто ему немного не повезло.

– Так почему мне не сказали про курицу?

– Потому что вам было все равно, – раздражение стюардессы проступало все отчетливее. – Вы отказались от выбора, а теперь проявляете недовольство.

– Черт! Заберите свою курицу! – Лев демонстративно отвернулся к иллюминатору.

Через какое-то время знакомый голос оторвал его от созерцания облаков:

– Чай? Кофе?

– Кофе.

– Кофе нет. Могу предложить чай.

– Давайте чай, – сдался Лев.

– С сахаром или без? – продолжала добивать стюардесса.

– С сахаром, – несмело попросил Лева.

– Пожалуйста, – широким жестом ему протянули две упаковки сахара.

Лев почувствовал легкие толчки радости. Ему дали то, что он выбрал. Стюардесса покатила свою тележку дальше, а Лев Михайлович погрузился в мыслительное упражнение по

сравнению рыбно-куриной дилеммы с избирательными кампаниями, на которых он собаку съел. Выбор, конечно, должен быть... Это людям нравится... Но если не угадать... К тому же когда человеку все равно... Получается, что положительные эмоции достаются только тем, кто угадал с выбором... Остальные получают то же самое, но с плохим настроением в придачу...

Лев Михайлович не подкрепился курицей, но зато обогатился новыми образами, которые при случае можно эффективно вставлять в разговоры с заказчиками. Настроение стало отчетливо оптимистичным.

Через час Лев Михайлович спускался по трапу самолета и явственно ощущал голод. И не курица была тому виной. Это был голод по работе. Прекрасное чувство! Особенно в сочетании с предчувствием, что на зауральской земле он этот голод утолит.

* * *

Лев Михайлович не в первый раз заходил в кабинет к губернатору Зауралья. Все осталось здесь по-прежнему: широкий стол буквой «Г», массивные стулья вокруг него, кожаные кресла поодаль. На стене портрет президента. Он тоже не поменялся за многие годы. Почетные грамоты и памятные адреса развешаны на противоположной стене, чтобы президенту было лучше видно. Шкафы с книгами, среди которых

преобладали статистические сборники и альбомы по краеведению. Несмотря на внушительные габариты, кабинет вызывал легкое удушье у каждого, кто сюда входил по вызову или доброй воле. Стандартный кабинет губернаторского корпуса.

Некоторую шаловливость приносили памятные подарки, составленные в ряд на специально отведенной для этого полке. Малахитовые петухи пытались дотянуться до расписных матрешек. Хотелось подойти к полке и рассмотреть эти образцы народного творчества в люксовом исполнении, например сплетенную из бересты модель «бентли».

Но отвлекаться на такие мелочи времени не было. Предстояло изобразить радость от встречи, но не безрассудную, а как бы отуманенную готовностью к подвигу. Сдержанную радость человека, который прилетел за тысячи километров, чтобы протянуть руку помощи губернатору.

Сергей Палыч вышел навстречу. Они встретились ровно на середине пути. Лев Михайлович расценил это как хороший знак, верный признак того, что он не напрасно прилетел, что работа будет, и за хорошие деньги.

– Ну как долетел, Лев Михайлович? Никто тебя в небе не обидел?

– Кто нас в небе обидит, тот на земле от нас живым не уйдет, – попытался попасть в тон шутки собеседник.

– Даже так? Ну-ну... Я смотрю, ты молодцом держишься. А говорят, что у тебя дела не очень... Врут?

– Сергей Палыч, может, посмотрим не в прошлое, а в будущее? – вопросом на вопрос ответил Лев.

– Ну в будущее так в будущее. Давай тогда садись. Пить будешь?

– Если только чай с лимоном.

Сергей Палыч нажал кнопку и распорядился: «Нам два кофе».

Лев Михайлович не поправил. Он понял, что это показательный урок, демонстрация, чтобы гость не думал, будто он тут сильно нужен. Если не договорятся, то без него обойдутся. На рынке политтехнологов пруд пруди. Однако ж его позвали, за тысячи километров дернули, значит, любой не подойдет.

– Смотри! – Губернатор сел в кресло и жестом пригласил занять соседнее. – Тут такое дело. У нас, как ты знаешь, осенью выборы в городскую думу.

– Да, я в курсе. Вы считаете, что мэр не справится?

– Не в этом дело.

«А в чем?» – хотелось спросить гостю. Но он промолчал.

В кабинет зашла секретарша, неся поднос с двумя чашками кофе. Его аромат забивал запах французского парфюма, значит, это был очень хороший кофе.

Мужчины дождались ее ухода.

– А Таисия Викторовна больше не работает? – спросил Лев Михайлович.

Вообще-то ему было глубоко наплевать на старую секре-

таршу. Суть вопроса была в другом: Лев Михайлович хотел показать, что он помнит Таисию Викторовну, потому что он в этом кабинете не первый раз, он уже работал в Зауралье и даже вполне успешно. Таисия Викторовна приносила им виски и бренди, когда они обмывали победу на прошлых выборах в зак-собрание области. Упоминание о старой секретарше в развернутом виде звучало как призыв не забывать былое сотрудничество и не скупиться на будущее.

– Таисия Викторовна здесь больше не работает. Уволил к чертовой матери после одного случая... – И Сергей Палыч как-то странно улыбнулся, словно вспомнил что-то пикантное и приятное. – О чем я говорил?

– О выборах в городскую думу, – тактично напомнил политтехнолог. – Времени у нас, я думаю, достаточно, мы можем начать с социологического поля, выяснить электоральные предпочтения населения и с учетом этого начать готовить избирательную кампанию.

– Э-э, ну ты губу раскатал, – грубо оборвал его губернатор и засмеялся. – На этот подряд люди уже расписаны, мэр сам рулит, это его огород, я в это дело не лезу. Занят этот заказ, Лева, ты снова в пролете.

И губернатор с наслаждением посмотрел на растерянного гостя.

«Но ведь зачем-то же звал?» – теплилась надежда в душе вновь безработного Льва Михайловича.

Губернатор пил кофе, томя гостя неизвестностью. Он все

рассчитал верно. С каждой секундой Лев Михайлович становился все грустнее, а значит, все сговорчивее. Наконец губернатор подал голос:

– Есть работа, Лева.

Лев Михайлович подался вперед. Все было так прогнозируемо, что Сергею Палычу даже скучно стало.

– Что за работа?

– Нестандартная, так скажем.

– Сергей Палыч, вы же меня знаете. Я вас еще ни разу не подводил. Нестандартные задачи – это как раз мой конек.

– Потому и позвал, ты же у нас творческий человек. Можно сказать, бог креатива.

Сергей Палыч усмехнулся, предвкушая, как офигеет этот креативщик, когда он поставит перед ним задачу. Нет, по-настоящему креативить умеет только он, губернатор Зауралья.

– Спасибо за доверие. Так что за дело?

– Смотри! В рамках выбора в горсовет Зауральска ты должен добыть один мандат для некой дамы. Зовут Людмилой. Она должна победить непременно.

Лев кивнул. Пока все было ясно.

– Выборы в целом – не твоя боль. Ты занимаешься только одним кандидатом, но с полной гарантией победы.

Лев снова кивнул. При административной поддержке взять мандат в городскую думу не ахти какая сложная задача.

– Но есть нюансы.

Лев понял, что сейчас начнется самое интересное. И не ошибся.

– Людмила не должна знать, что участвует в избирательной кампании. Мандат депутата должен быть полным сюрпризом для нее. Подчеркиваю для непонятливых: полным сюрпризом!

Сергей Палыч замолчал, наслаждаясь произведенным эффектом. И кто тут самый креативный? Кто еще мог придумать такой подарок на день рождения?

– Простите, что-то я не догоняю, – застенчиво признался Лев Михайлович.

– Смотри! Она скоро уезжает в Англию, в какую-то языковую школу. И там, я уже договорился, у нее будет заблокирован доступ ко всем русскоязычным сайтам, как бы в рамках интенсивного погружения в язык. Это я беру на себя. Ну а остальное, Лева, на тебе. Выборы у нас 10 сентября. В этот день она возвращается на родные просторы и узнает, что победила, стала депутатом городской думы. Что тут непонятного?

«Все!» – хотелось сказать обалдевшему Льву Михайловичу. Вместо этого он спросил:

– А как же встречи с избирателями? Выступления по местному телевидению?

– Не знаю, Лева, не знаю. Меня это не касается. Ты же у нас мастер решать нестандартные задачи. Или нет?

– Нет, то есть да. Я что-нибудь придумаю. В смысле, мы

решим эту задачуку положительно, – растерянно и неуверенно сказал политтехнолог.

– Да уж, реши. И непременно положительно, – усмехнулся губернатор. – Иначе это будет твой последний заказ в моей области. Ну и сам понимаешь, солидарность губернаторского корпуса никто не отменял. Вряд ли тебя куда позовут, если тут облажаешься.

Политтехнолог понимающе кивнул.

– Короче, завтра жду тебя с планом действий. И помни, что у тебя двуединая задача – победить и не проболтаться. Напоминаю, что Людмила уезжает через неделю.

Губернатор встал.

Лев Михайлович остался в кресле, он производил впечатление контуженого человека.

– Ничего, Лева, я тебя знаю. Ты сейчас пропсихуешься и что-нибудь придумаешь. Я всегда ценил тебя. Кто, если не ты? Вот тебе папочка – личное дело Людмилы Шиловой. Там фото, биография... Короче, все, у меня еще дел полно. Завтра жду!

Губернатор протянул руку, и Лев Михайлович пожал ее со всей страстью и силой, на которую способен контуженый боец. Получилось вяло и влажно.

Политтехнолог на ватных ногах побрел к выходу. Сергей Палыч исподлобья провожал гостя взглядом. «Ничего, справится, Лева мозговитый», – ободрил он себя.

«Бля-я-я...» – думал мозговитый Лева.

Секретарша удивилась переменам, которые произошли с посетителем. Заходил немолодой, но явно молодящийся мужчина, а вышло нечто с сутулой спиной. Как будто вытащили стержень. Она работала тут не первый день и видела, как многим переламывали хребет в этом кабинете. Но этот случай был выдающимся. «Так москвичу и надо!» – злорадно подумала она.

* * *

В гостиничном номере Лева открыл окно, и прохладный майский воздух подарил ему первую положительную эмоцию за весь этот безумный день. Номер был оборудован чайником, к которому в комплекте шли чайные пакетики. Это был бесплатный подарок отеля постояльцам.

Лева вспомнил, как во время губернаторских выборов они жили в загородном пансионате. Бесплатной радостью были шампанское и фрукты в номерах. Да и номера были другого фасона, с джакузи, кстати.

В этом месте своих воспоминаний Лева не поленился и заглянул в нынешний санузел. Джакузи не пахло. Зато пахло сыростью. Все было какое-то паршивенькое, как будто сильно хотели сэкономить. Уровень нижнего сегмента эконом-класса.

«Да, сдал я свои позиции», – подумал Лева. Будучи человеком умным, он понимал, что все это более-менее объек-

тивно. Как любой другой рынок, рынок политических технологий прошел в своем развитии несколько стадий.

Сначала было время рыночной вольницы, когда бригады политтехнологов напоминали команды КВН, точнее, превосходили их если не по веселью, то уж точно по находчивости. И, конечно, по численности. В это время Лева чувствовал себя полубогом, который в кураже пьяных застолий хвастался, что может выбрать в президенты даже обезьяну. Потом он трезвел и брал свои слова обратно: президента не обещал, разве что мэра или депутата... Платили заказчики щедро, но и спрашивали строго. Были совсем страшные моменты, когда, посчитав голоса избирателей и узнав о проигрыше клиента, Лева сбегал в чем стоял, лишь бы ноги унести. Но в целом грех жаловаться, все шло неплохо.

Постепенно ситуация стала меняться. Выборов в стране стало проводиться меньше. На какое-то время даже отменили выборы губернаторов, а это был самый жирный кусок со стола политических заказов. Ну и ввели единый день голосования, что окончательно сдавило рынок железной рукой Кремля. Раньше Лева колесил по стране, и каждый месяц у него был урожайным. В октябре он работал на выборах мэра, в ноябре лепил региональную Думу, а под Новый год пытался осчастливить какую-нибудь область новым губернатором. Теперь страна погружалась в избирательную канитель только один раз в год – в единый день голосования, назначенный на второе воскресенье сентября. Конкуренция среди таких,

как Лева, резко возросла.

Но он еще трепыхался. И его оптимизм не был беспочвенным. Лева знал себе цену, ведь его мозги действительно обладали способностью решать неразрешимые проблемы. Сколько оригинальных ходов придумал Лева, разыгрывая партии на шахматных досках российских просторов! Сколько людей он привел к власти! Какие только антирейтинги не превращал в звонкие победы! Лева наивно думал, что, как бы ни сжимался рынок политических консультантов, ему место всегда найдется. Не может не найтись. С его-то талантами.

Оказалось, что может. Очень скоро центр распределения политических заказов сместился в Москву, и там образовалась своя тусовка придворных технологов. Лева не вписался в их круг. Конечно, Москва рулила только крупными заказами, такими как выборы губернаторов или депутатов в Государственную думу. Муниципальные выборы в деревне Поплюйкино столицу не интересовали. Но проблема заключалась в том, что по-настоящему заработать можно только на крупных выборах. Демократия в Поплюйкино имела смешной ценник.

Сначала Лева наивно думал, что проживет без дружбы с Кремлем. К тому же он знал многих, кто вошел в тусовку приближенных политтехнологов, видел их в работе и имел преимущественно невысокое мнение по поводу их мастерства. Он снисходительно улыбался, узнав, что очередной та-

кой товарищ получил крупный заказ. «Ну-ну», – саркастически комментировал Лев. И зря.

Лева не учел, что таланты у людей могут быть разные. Придворные политтехнологи обладали потрясающим чутьем на конъюнктуру, они видели то, что не углядел Лева. Люди, пережив 90-е годы, так устали от политики, так наелись этого дерьма, что шарахнулись в другую крайность. Им стало категорически неинтересно все, что связано с выборами, да и вообще с политикой. Явка на выборах упала, и выигрывать стало возможно лишь за счет мобилизации пенсионеров и бюджетников. Оставалось только привести их на выборы и сказать, за кого правильно голосовать. Если кто-то артачился, ему задавали сакраментальный вопрос: «Ты что, назад в 90-е захотел?» Потом добавилось пугало майдана... Словом, люди голосовали, не доставляя особых хлопот.

Профессионализм Левы потерял былую притягательность для заказчиков. Его умение действовать в нестандартной ситуации не нашло спроса в новых политических реалиях. Ведь ситуация становится год от года все более стандартной.

Лева наивно думал, что старые связи не ржавеют, а прежние клиенты не соскочат. И ошибался. Ему звонили и говорили:

– Извини, я и дальше с тобой с удовольствием работал бы, но сверху настоятельно рекомендуют взять в качестве политконсультанта Иванова.

– Так ведь он мудака! Он же провалил все кампании, за

которые брался.

– Тем не менее. Нам рекомендуют, мы выполняем. Ты же понимаешь, что Иванов не просто так в той обойме оказался. Значит, кому-то это надо. Может, он отстегивает кому? Я поперек этого не пойду. Прости, но мы работаем с Ивановым.

За Ивановым потянулись Петров, Сидоров... Очень скоро заказов для Льва Михайловича почти не осталось. Не умея жить в режиме экономии, он быстро промотал прежние накопления и все чаще занимал деньги у друзей, которых становилось все меньше.

На этой печальной ноте его застал звонок из Зауралья. Судьба кидала ему кость. Но выбирать не приходится, в каких-то обстоятельствах и этому радуешься.

Лев Михайлович твердо решил не упустить этот заказ. Он принял душ, заварил пакетик чая и решительно придвинул к себе бумаги, которыми его снабдил губернатор.

Перед ним было личное дело Людмилы Шиловой. Все оно состояло из фотографии и единственного листа, которого хватило, чтобы уместить все вехи ее зачаточной биографии.

Фотография разочаровала Льва Михайловича. Она была совершенно неинформативной. Молодая, красивая, глаза с бесовщинкой. И что? Таких девок – как грязи. Раньше такие в артистки шли, а сейчас поумнели, сразу ищут себе богатого покровителя, минуя промежуточную стадию в виде сцены.

Лев отложил фотографию и начал читать сопроводитель-

ный документ. Учится на юридическом факультете, уроженка Зауралья, не замужем, детей нет, без судимости. Лев искал ключ к той головоломке, которую ему задал губернатор. Должно же быть какое-то объяснение этому бреду.

А, вот и первая зацепка. Проходила практику в юридическом отделе администрации Зауралья. Все ясно. Практикантка, значит! Где бы всем такую практику найти? Чтобы из пешки сразу в дамки. Ну, частично вопрос снят: Людмила – зазноба губернатора. Но должно быть еще что-то. И Лев снова и снова читал страницу, вместившую в себя всю жизнь Людмилы Шиловой с самого рождения. Кстати, когда она родилась?

И тут Лев чуть не хлопнул себя по лбу от озарения. Господи, как все просто! Дата рождения – 10 сентября. Вот оно! У Людмилы Шиловой день рождения в этом году совпадает с днем голосования. И губернатор решил подарить ей депутатский мандат. Как мило с его стороны! Подарок требует полной секретности, иначе весь эффект пропадает.

Все встало на свои места. Лева понял замысел губернатора и облегченно вздохнул. Когда ясно, чего от тебя хотят и что за этим стоит, всегда можно сыграть достойную партию. В груди затеплился знакомый огонек предстоящей победы.

Глава 2

Кино и немцы

Людочка не любила, когда ее будили рано. Особенно сейчас, когда до отъезда оставалась всего неделя и хотелось насладиться последними свободными днями. Там, в этой Англии, могут быть разные засады. Говорят, англичане живут в холоде, едят впроголодь, мучают себя овсянкой.

И вообще, жизнь такая короткая. В ней надо успеть хотя бы выспаться. А тут какой-то придурок звонит ни свет ни заря. На часах было всего лишь девять утра.

– Алле, – заспанным голосом ответила Людочка.

– Доброе утро, Людмила Шилова! – голос излучал оптимизм.

– Доброе... – громкий зевок не дал закончить фразу.

– Вас беспокоит Лев Михайлович, режиссер из Москвы.

Слово «режиссер» прогнало сон. Стало интересно и заманчиво.

– Ой, я сейчас, повисите на трубке, пожалуйста.

От этой фразы Лева поморщился и заранее посочувствовал себе. Но его работа в том и состоит, чтобы выводить в князи такие кадры.

В трубке зажурчало. Ясно, Людочка от избытка чувств захотела писать. «Господи, за что мне это?» – взмолился по-

литтехнолог. Небеса хранили высокомерное молчание, зато ответила Людочка:

– Вы еще здесь?

– Да, конечно. Я буду, как вы изящно выразились, висеть на трубке до победного конца.

– Зачем? Что вы хотите?

– Хочу? Нет! Я мечтаю заполучить вас для своего нового фильма. Я вижу вас в главной роли.

Лева думал, что в этом месте Людочка ошарашенно замолчит, придавленная новостью. Не тут-то было. Трубку сотряс радостный визг. Лева брезгливо отвел трубку подальше от уха.

– Я согласна, – наконец-то перестала визжать Люда.

– Что ж, тогда нас ждет труд и пот! Кино – это айсберг, и зритель видит только верхушку, а все остальное достается нам, создателям этой магии.

– Я же сказала, что согласна.

«Даже не спросила, о чем кино. Тяжелый случай», – диагностировал Лева.

Вместо этого Люда спросила:

– А как вы меня нашли?

– По фотографиям. Вы же «Мисс Красота Зауралья».

– Это правда, – с достоинством подтвердила Людмила.

– Фотографии попали на первые полосы «Интерфакса», два раза облетели по орбите земной шар и попали в нашу службу подбора артистов. Дальше наш экстрасенс по фото-

графии диагностировал степень талантливости, и выбор был сделан.

«Что я несую? Какой бред!» Но Лева не мог отказать себе в маленьком удовольствии постебаться над такой фантастической девушкой.

Тут Люда спохватилась:

– Ой, а я уезжаю через неделю.

– Неужели? И куда, если не секрет?

– Да в Англию, – сказала Люда таким тоном, как будто едет в деревню к бабушке. – Ну ничего, я отменю поездку.

– Ни в коем случае! Это же просто подарок providения! Кто-то на небесах колдует во славу нашего фильма. По сценарию героиня в совершенстве знает английский язык. Вам придется в одной сцене говорить с Брэдом Питтом. И, заметьте, без переводчика. Какое счастье, что все так совпало! Учите язык как следует! Брэд Питт не любит плохого произношения. Одного мексиканца он чуть не убил за то, что тот произнес Джорджия так, как будто это Грузия, а не штат Америки.

Повисла пауза. Людочка шутку не поняла.

– Так как же? Я уеду учить язык... А кино?

– Мы сделаем вот как. Всю неделю до вашего отъезда усиленно работаем. Делаем фотопробы, снимаем отдельные сцены. А потом я договорюсь с начальством, и мы оформим вашу поездку в Англию как служебную командировку. Правда, оплатить Англию продюсер вряд ли согласится. Придет-

ся оформить командировку за ваш счет.

– Разумеется, – с достоинством ответила Людмила.

– Спокойно учите язык и возвращайтесь. За это время вас утвердят в роли, и все будет хорошо. Правда, всегда есть вероятность, что продюсер как-то иначе видит образ. Я ничего не гарантирую, право вето всегда за ним...

– Что? Вы какое-то слово сказали...

– Вето.

– А что это?

«Юрист! Бедная страна...» – мелькнуло в голове Левы.

– Вето – это право отказать.

– Мне?

– Как можно? В данном случае мне, ведь это я бьюсь за ваше назначение на эту роль. Но, повторяюсь, последнее слово, увы, за продюсером. Ну не суть. Наша задача сделать за эту неделю максимально убедительные пробы, отснять качественный материал. А там как бог даст, будем надеяться на лучшее.

– Может, этому продюсеру денег дать?

«Способная девочка, юрист опять же, – оценил Лева. – Чего не дать? Не свои же».

– Думаю, деньгами это не решить. Мой продюсер – человек очень состоятельный. Недавно профинансировал новую аферу Илона Маска. Слышали о таком?

– Нет, а кто это?

– Да практически никто. Не берите в голову.

– Я поняла все. Куда мне приехать для съемок?

И Лева продиктовал адрес павильона, соответствующим образом оборудованного по личному распоряжению губернатора, с которым Лев Михайлович встретился накануне и расстался в весьма приподнятом настроении. Сергей Палыч одобрил затею, выделил деньги и пообещал жестко поквитаться, если что-то пойдет не так. Скорость ремонта павильона претендовала на Книгу рекордов Гиннесса.

– Ну все? Увидимся на съемках? Итак, завтра, ровно в девять утра, я вас жду, чтобы начать кинопробы, – подвел итог Лев Михайлович.

– До завтра... – Людочка замялась... – но у меня есть одна просьба.

– Какая?

– Нельзя ли Брэда Питта на Ди Каприо поменять? Он мне больше нравится.

– Вам можно все, – великодушно разрешил собеседник. – Только, чур, и у меня небольшая просьба.

Людочка снисходительно молчала, что можно было перевести как «Валяйте!».

– О наших с вами планах не должна знать ни одна живая душа. Завистники не дремлют, а художественный процесс такой чувствительный к темной энергии недоброжелателей. Пока у меня нет убойных доказательств вашего артистического таланта, давайте не будем никого посвящать в наш творческий заговор. Никаких подружек, соседей, роди-

телей. Согласны?

– Родителям точно ничего не скажу. Я живу отдельно, потому что считаю правильным развивать свою самостоятельность.

«Какая прелесть! Интересно, сколько ты в месяц тратишь, самостоятельная ты моя?» – подумал Лева.

– Полностью согласен. Но речь не только о родителях. Никого нельзя посвящать в наши планы. Договорились?

– Никого-никого? – Людочка была явно разочарована, у нее уже чесался язык.

– Ну... разве что губернатора, – как бы размышляя вслух, сказал Лев. – Только тот, кто на самом верху человеческой пирамиды, имеет иммунитет против зависти. Но это я так, чисто теоретически. Где мы, обычные земные грешники, и где губернатор? Как вы можете ему об этом рассказать? Это просто шутка.

Людочка шумно задышала. Ей было трудно сдержаться, чтобы не похвастаться. Но она справилась и сохранила в тайне ответ на вопрос «Где губернатор?». Вот тут, буквально в ее кулачке.

– Значит, договорились? А адрес я вам сейчас сброшу. Там есть шлагбаум, около него вас встречу и провожу в павильон для съемок.

– Тогда все. До завтра, – с достоинством попрощалась Людмила.

«А о чем кино будет, так и не спросила», – подумал Ле-

ва, нажимая отбой. Но это не могло испортить ему настроения. Начиналась игра, и он был счастлив. К тому же приятно осознавать, что он почти не врал. Да, он режиссер. Режиссер политического фарса.

* * *

Людочка приехала по указанному адресу, отпустила такси и озадаченно осмотрелась по сторонам. Неподалеку действительно был шлагбаум. Но более ничего не совпадало с ее ожиданиями. Посреди продуваемой всеми весенними ветрами заброшенной промзоны маячили серые коробки бывшего чулочного комбината. Девушка растеряно оглянулась и увидела спешащего ей навстречу режиссера.

Лев Михайлович, подгоняемый порывами ветра, довольно быстро достиг Людочки.

– Доброе утро, Людмила Шилова! Вы пунктуальны, что делает вам честь.

– Просто я будильник поставила.

– Это хорошо!

Людочка пожала плечами. В ее представлении слова «будильник» и «хорошо» никак не сочетались и вообще не могли стоять рядом.

Лев Михайлович взял ее под локоток и повлек куда-то, петляя между строениями. Пейзаж был наглядным пособием к слову «разруха» и очень подходил для съемок фильма

о войне. Выбитые окна и рухнувшие крыши взывали к мщению. Казалось, что вот-вот из-за угла выедет «Т-34», который даст залп по фашистам, превратившим мирный чулочный комбинат в руины. Людочка напряглась:

– А мою героиню не убьют?

– Кто?

– Фашисты, разумеется.

– Что вы! Отчего такой пессимизм?

– Ну как-то... В военных фильмах героиню обычно убивают, чтобы все плакали. И чтобы герой за нее отомстил.

– Как вы точно декодируете замысел подобных режиссеров! Именно плакали. Это путь тех, кто обделен талантом и не может найти более тонких способов воздействия на зрителей. А почему вы вспомнили военный кинематограф?

– Так ведь вот, – и Людочка плавным жестом указала на окружающую действительность.

– Что вот? – не понял режиссер.

– Декорации какие отгрохали про войну. Масштабно!

– Ах, декорации... – Похоже, Лев Михайлович растерялся. – Ну не совсем. Тут раньше то ли завод какой-то был, то ли комбинат. Потом пришла приватизация... Ну не суть. К нам это не относится. Нам выделен отдельный павильон, куда мы и направляемся.

– А почему павильон не на «Мосфильме», а на бывшем заводе?

– Потому что работать нам предстоит практически кон-

спиративно. Вы даже представить себе не можете, что начнется, когда московская богема узнает о моем выборе. Они привыкли, что все достается им – роли, деньги, слава! А тут вы – красавица Зауралья. Нам предстоит потом и кровью доказать, что провинция по-прежнему родит таланты.

– Чьей кровью?

Лев Михайлович запнулся.

– Что?

– Ну вы сказали «потом и кровью доказать». Чьей кровью?

– Моей, разумеется, – режиссер благородно взял все на себя. И погрустнел, вспомнив угрозы губернатора.

Людочка ответила благосклонным кивком. Чужой крови ей было не жалко.

Дошли до небольшого здания, выделяющегося на общем фоне, как золотой зуб во рту цыгана. Низенькое здание бывшего заводоуправления сияло свежим ремонтом. Фасад был покрашен, а в амбразуры окон вставлены новенькие стеклопакеты, которые не успели очистить от фабричной пленки.

– Осторожно, тут ступеньки, – Лев Михайлович был сама забота. – Не держитесь за перила, лучше обопритесь на меня, краска еще мажет.

Они прошли узким коридором, утыкающимся в дверь, рядом с которой висела табличка. Крупными позолоченными буквами на ней было написано лишь одно слово «Павильон».

Режиссер галантно распахнул дверь:

– Добро пожаловать в мир искусства. Или, как говорится,

милости прошу к нашему шалашу.

Шалаш представлял собой просторную комнату, в которой из мебели были только офисный стол, стул, вешалка, герб области и портрет губернатора.

Стены павильона заслуживали отдельного внимания.

Стена справа была оклеена фотообоями, имитирующими панорамный вид на столицу Зауралья. И этот вид в краткой визуальной форме сообщал миру, что в Зауральске все хорошо. Высотные многоэтажки горделиво вздымались посреди хрущевок, мелкой порослью покрывающих городское пространство. Белое здание областной администрации было тактично отгорожено от жилой зоны зеленым пятном сквера. Город прорезала нить водной глади. Река Зауралочка делила город на две неравноценные половины, отличающиеся ценой квадратного метра. Там, где располагались администрация и сквер, жилье почему-то стоило дороже. Через реку был перекинут мост, которой напоминал гнутую скрепку. На все это торжество урбанизма в малом провинциальном формате благосклонно взирало небо, подкрашенное художником до ярко-голубого сияния.

Стена напротив была посвящена сельской тематике. Вдали паслись коровы, напоминающие своей пестротой стаю бабочек. Зелень пейзажа отсвечивала аж на потолок. На первом плане виднелась ива, выгнувшаяся в жесткой вопросительной форме, и рядом с ней береза торпедировала небо наподобие восклицательного знака. Ива словно вопрошала:

«Что нас ждет?» – а береза ей гарантировала: «Нас ждет счастье и процветание». Лютики и ромашки, прижавшись к корням деревьев, подобострастно лепетали: «Конечно, конечно. А что же еще?»

Третья стена была занята окном. Однако через него не проглядывал депрессивный пейзаж бывшего чулочного комбината. Ни в коем случае. Окно было заклеено пленкой с изображением пухлых облаков, беременных дождем. То есть окно пропускало солнечный свет, но ставило заслон печали и унынию.

Последняя, четвертая, стена была самой обыкновенной, выкрашенной в вялый бежевый цвет. Стена вмещала в себя дверь, рядом с которой разместилась широченная вешалка, заменяющая платяной шкаф. Людочка снайперским взглядом определила, что на плечиках висят пиджаки и жакеты предположительно ее размера. «Реквизит», – сообразила Людочка и даже порозовела. Мерить одежду она любила. Ближе к углу, в свободном простенке, висел герб области и портрет губернатора.

– Ну что ж, Людмила, не будем терять время, – перехватил ее взгляд Лев Михайлович.

– Да, я готова.

– Вам не хочется спросить, какая у вас будет роль? – не выдержал режиссер.

– Вы же сами сказали, что главная.

Лев Михайлович закашлялся.

– Резонно. Действительно, к чему лишние вопросы. Но все же я скажу пару вводных слов. Ваша героиня – обычная девушка. В ее жизни нет ничего примечательного. Шмотки, косметика, секс – вот, пожалуй, и все, что ее интересует. Это мы покажем средствами концептуального кино с легкими проблесками социальной сатиры. Поверьте, будет убедительно.

Людочка взглядом подтвердила, что да, такую фигню она сыграет блестяще.

– Но в глубине души, на уровне подсознания, у героини копится протест против такого прожигания жизни. И во сне, когда ее истинная сущность обнажает себя, героиня старается помогать людям, быть полезной обществу. Ей снится, как она обещает людям благоустроить их город, поднять пенсии, построить новые школы и больницы... Ну не суть. Короче, фильм про внутренний конфликт бациллы потребительства, поразившей молодое поколение, с той нравственной силой, которая присуща молодости.

Людочка ошарашенно молчала.

– Как вам? – спросил режиссер.

– Ну... Может, уберем сны? Оставим только обычную жизнь?

– Что вы! В этом же самый нерв фильма. Это же разрыв реальности и мечты.

Людочка напряженно думала.

Лев Михайлович запаниковал. Сейчас она развернется и

уйдет, оставив его наедине с этой идиотской задумкой.

– Вас что-то смущает?

– Я одно не поняла.

– Что именно?

– Ди Каприо во сне или наяву будет?

– Какой Ди Каприо?

– Который вместо Бреда Питта.

– Ах, да-да... Конечно наяву, то есть в обычной жизни нашей героини.

Кажется, Людочка облегченно вздохнула. Бредить на глазах у кумира ей не хотелось.

– Там будет потрясающей красоты сцена у фонтана, – приободрил ее режиссер, – где вы и Ди Каприо плещете водой друг на друга.

– А потом?

– Потом? Потом вы идете вдаль под свист соловьев, взявшись за руки.

– В мокрой одежде?

– Что в мокрой одежде?

– Ну идем. Мы же только что брызгались в фонтане. Лев Михайлович хлопнул себя по лбу и закричал:

– Какое внимание к деталям! Срочно прикажу доработать сценарий. Не волнуйтесь, в мокрой одежде вам ходить не придется.

– Да ладно, – снисходительно согласилась Людмила, – можно просто придумать, чтобы мы с Ди Каприо в кустах в

сухое переоделись.

– Непременно. А пока... За работу?

Людочка задумчиво кивнула. В ее глазах отражался Ди Каприо, переодевающийся в кустах.

– Людмила, сосредоточьтесь! Предлагаю начать прямо сегодня. Снимем первый сон нашей героини.

– Может, лучше обычную жизнь?

– Нет, обычной жизнью вы ничего не докажете. Вы же понимаете, как сложно мне будет убедить продюсера в том, что вы рождены для этой роли. Нужно браться за самые сложные сцены. За такие, с которыми ни одна другая актриса не справится. Именно сны, и именно об общественном благе.

– Ну, это трудно, даже не знаю... – закапризничала Людочка.

– А Ди Каприо легко было на «Титанике» тонуть?

Как ни странно, этот аргумент подействовал.

– Хорошо, – вздохнула Людмила.

– Тогда за дело!

Лев Михайлович потерял руки. Поезд его творческого гения наконец-то покинул запасные пути и, набирая скорость, вырвался на просторы битвы за депутатский мандат.

Глава 3

Штабные страсти

А в это время в городе активно создавались штабы. На дворе стоял разгульный май, но дело было вовсе не в весеннем обострении болезней людей со слабой нервной системой. Причина состояла совсем в другом.

Совсем скоро, в начале июня, должна была начаться официальная избирательная кампания выдвижения кандидатов в городскую думу. А пока штабы работали неофициально, готовясь по первому сигналу ринуться в бой. В июне, с момента официального старта избирательной кампании, можно было открыть расчетный счет в банке и начинать оплачивать с него выпуск листовок и газет, а также нанять волонтеров для их распространения. Тогда же, под облаками тополиного пуха, можно было начинать встречи с избирателями.

Молодые и пожилые, коммунисты и либералы, идейные и циничные – все толпились у заветной черты, выполняя команду «На старт! Внимание!..» и ждали только судьбоносного «Марш!».

Этим же настроением жил и штаб Петра Валенчука. Начать предстояло со сбора подписей жителей округа за его выдвижение. Без этого избирательная комиссия откажет в регистрации и просто скажет: «Уйдите отсюда, молодой чело-

век, не заслоняйте нам политический небосклон». Конечно, подписи собирают не все. Те кандидаты, которые выдвигаются любой мало-мальски значимой партией, минуют эту стадию и сразу кидаются в бой за мандаты. Но Петр категорически отказался идти на поклон к партийному руководству. Ассортимент партий, представленный в Зауралье, его, мягко говоря, огорчал своей низкосортностью. Он выбрал путь независимого кандидата. Но за независимость надо платить. В данном случае платой был сбор подписей.

В аспирантском общежитии, в комнате для общественных нужд, которая прежде называлась красным уголком, собрались соратники Петра. Раньше они были просто друзьями, но теперь ситуация изменилась. По закону политической борьбы ближайшее окружение Петра стало его опорой, основным отрядом, прорывающим оборону старшего поколения, окопавшегося в политике. Друзья сформировали группу поддержки в борьбе за депутатский мандат. Основная мысль, объединяющая ребят с разными политическим убеждениями и даже с их полным отсутствием, а таких было довольно много, сводилась к лозунгу «Страна, дай порулить!».

Петр пригласил Машу присоединиться к этому активному сообществу. Официальная кампания еще не началась. Время ходить по квартирам и собирать подписи для выдвижения Петра в качестве кандидата еще не пришло. В штабе пахло бездельем, радостью грядущей победы, в которой никто не сомневался, и предвкушением большого и хорошего дела,

участвовать в котором не только правильно, но и прикольно.

Ребята, собирающиеся в штабе, в большинстве своем были знакомы друг с другом по студенчеству. Их отношения выдержали проверку на прочность учебой и алкоголем, что означало высший уровень взаимного доверия. Ребята лично отбирались Петром, и это чувство некоторой избранности делало их присутствие в штабе особо приятным. Петр был не просто товарищем, которого им предстояло сделать депутатом горсовета, но и самым ярким и авторитетным среди них, безусловным лидером. Мысль о том, что в депутаты можно выдвинуть кого-то другого, не просто не приходила им в голову, но, если бы даже пришла, была бы немедленно отвергнута как кощунственная. Петр, бесспорно, шел вне конкуренции.

Маше нравилось приходиться в импровизированный штаб. Там было шумно и весело. Ребята фонтанировали идеями, дружно их критиковали и тут же рождали новые, еще более безумные с точки зрения возможности их реализации.

Сашка, казалось, поселился в штабе, буквально дневал и ночевал тут. После Брюсселя он еще больше прикипел к Петру. Соответственно сюда переместилась и Лера. Штопор в виде писающего мальчика не простаивал. Бутылки летели, как тополиный пух. И Лера бдительно следила за тем, чтобы на почве куража и легкого алкогольного опьянения Сашка не перешел границы дозволенного – ни в отношениях с другими штабистами, среди которых попадались симпатич-

ные девушки, ни в области политики. Лера была цензором его слов и мыслей, она бдительно присматривала за Сашкой, ограждая его от измен себе и родине. Она следила за тем, чтобы никакая юбка не смутила его покой и никакая экстремистская бацилла не засела в Сашкиной голове.

Диму тоже пригласили поучаствовать в продвижении Петра в политику. Он планировался на роль главного идеолога и стратега избирательной кампании. Все признавали его широкую эрудицию, логическое мышление и рационально-рассудочное восприятие мира. Он имел дисциплинированные мозги, отшлифованные долгим изучением математики. Но дело было не только в этом, просто другие варианты использования Димы не приходили никому в голову.

Дима был наделен умом, но начисто лишен харизмы. Его категорически нельзя было пускать в народ. Он не смог бы сагитировать даже таракана. Для написания острых и убойных листовок Дима тоже не годился. Даже в «Фейсбуке» его посты, длинные и скучноватые, редко кто дочитывал до конца. Впрочем, их отличала логическая безупречность и обстоятельность. На этом основании Петр решил сделать Диму мозговым центром, главным идеологом и стратегом своей кампании. Петр заранее настраивал себя на смирение, потому что иногда ему хотелось ударить Диму по лбу, чтобы вышибить из него педантичность, с которой тот излагал ход своих мыслей. Но мысли штабного стратега того стоили, нужно было потерпеть.

Казалось, что превосходство Петра Валенчука признавали все, кроме Димы. Он один решался перечить лидеру, когда Петра заносило на тему мирового прогресса и столбовой дороги свободы, на которую рано или поздно выйдет Россия.

В минуты таких стихийных дискуссий Маша искренне любовалась Петром. Значительный и убежденный в своих суждениях, он производил впечатление человека, который настолько уверен в своем интеллектуальном превосходстве, что ему неловко спорить с невеждой. Примерно как чемпиону мира бороться с третьеразрядником. Петр говорил с ленцой, словно он не позволял себе расчехлять оружие знаний, а лишь слегка намекал на его убойную силу.

– Дим, ты математик, и этим все сказано. Ты не чувствуешь дыхания современности. Только не обижайся, но ты наивен, как ребенок, в понимании общественных процессов, – мягко, но весомо клеймил его Петр.

– Сдаюсь, – шутливо заканчивал поединок Дима.

Однако Маша заметила, что Дима каждый раз оставался при своем мнении. Он выходил из спора не потому, что чувствовал себя побежденным, а просто ему становилось скучно. Он знал наперед все, что скажет Петр, и, похоже, не очень серьезно воспринимал его доводы.

И еще Маша видела, что это «сдаюсь» раздражало Петра, потому что означало не желаемое «сдаюсь, ты победил», а весьма прозрачно намекало на бесполезность спора, где каждый оставался при своем. Это было «сдаюсь, потому что ты

уже утомил меня прогрессивными речами».

Маша не видела Диму с того дня, как их компания распалась в аэропорту. Каждый поехал к себе домой, и только Лера поехала к Сашке.

Встретив Диму в штабе, Маша искренне обрадовалась. В Брюсселе каким-то неведомым чувством она уловила, точнее, ей показалось, что Дима неравнодушен к ней. Но, во-первых, может, просто показалось. Привиделось, с кем не бывает. Во-вторых, это было в Бельгии, а сейчас они в Зауралье, здесь все по-другому. Тут даже велосипедных дорожек нет. В-третьих, и это самое главное, рядом был Петр, что снимало все вопросы. И, потянувшись к чайнику, можно нечаянно коснуться рукой Петра, ведь комнатка, гордо именуемая штабом, имела весьма скромные размеры. Правда, Петр часто стоял к ней спиной. И что? У него много дел, он в депутаты собрался. Маша же не Курская аномалия, чтобы притягивать стрелки компаса.

Маша еще никогда не проводила рядом с Петром столько времени, и у нее никогда прежде не было столько возможностей быть ему полезной. Заварить чай, распечатать текст, найти информацию в Интернете. И это только начало. Скоро начнется избирательная кампания, и Маша сделает все, чтобы оправдать сказанное ей в Брюсселе: «Я на тебя рассчитываю». Это делало ее счастливой и обещало превратить предстоящее лето в самое яркое и насыщенное впечатлениями. Положительными, разумеется.

Библейскую заповедь «Не сотвори себе кумира» Маша не знала, не на тех книжках выросла. Но если бы ей кто сказал об этом, она бы не поняла. При чем здесь кумир? Просто самый умный, лучший, смелый человек. В ее воображении Петр походил на горьковского Данко, вырвавшего свое сердце ради спасения людей. Правда, Петр пока ничего героического не совершил. Но ведь намеревался.

Ну а то, что Петр редко смотрел на Машу, так что с того? Люди, которые шли за Данко, освещающим путь собственным сердцем, тоже видели его спину.

Иногда Маша перехватывала направленный на нее внимательный взгляд Димы. Но он вообще всегда и на всех смотрел внимательно, так что это не в счет. Ну или почти не в счет. Все-таки приятно, когда на тебя иногда смотрят. Чтобы порадовать себя, Маша изредка вскидывала взгляд на Диму, и тогда он смущенно опускал глаза. Но вот Маша отворачивалась и не могла видеть, как Дима спокойно возвращался к созерцанию ее профиля и даже затылка.

Эта сосредоточенность на Маше не укрылась от наблюдательной Леры. Лера принадлежала к числу женщин, которые испытывают эмоциональный дискомфорт, если не все внимание достается им. Ей, конечно, Дима не нужен, Сашки за глаза хватает, но есть в этом что-то бестактное – смотреть неотрывно на другую девушку. Чтобы вернуть себе душевное равновесие, Лера объяснила себе, что Диме просто нечего делать, от скуки пялится. И это была правда. Избиратель-

ная гонка еще не началась, работы не было, а болтать и фантазировать Дима не любил, а может, просто не умел.

Откуда Лере было знать, что Дима пришел в штаб не ради Петра. И даже не ради победы демократии во всем мире. Он пришел ради Маши. Она притягивала его больше, чем политика. Что-то дернулось в его душе в тот момент, когда эта трогательная девушка наивно пыталась скрыть слезы, завязывая шнурки. Хотелось защитить и помочь, загородить от любопытных глаз. По неопытности он еще не знал, что любовь часто приходит под этими покровами.

Дима ходил в штаб как на работу. Тихо сидел, молча писал, систематизировал идеи, которыми фонтанировали ребята. Он не умел искрометно шутить, быть центром внимания, поэтому чаще видел Машу, повернутую к нему спиной. Изю дня в день он обреченно любовался ее торчащими лопатками и выступающим позвонком под забранными вверх волосами.

Так они и стояли, уткнувшись в спины друг друга: Дима неотрывно следил за Машей, Маша не спускала восторженного взгляда с Петра, а тот видел перед собой только одну даму— капризную, коварную, но такую обольстительную российскую политику.

Глава 4

Каша заваривается

В аномально теплый майский денек в кабинет губернатора зашла секретарша и торжественно объявила:

– К вам Иван Игнатьевич, как назначено.

– Зови, – губернатор сделал приветливое лицо.

Вошел полноватый мужчина раннего пенсионного возраста. Вкрадчивые манеры в сочетании с нарочитой демократичностью выдавали в нем принадлежность к партийно-хозяйственной номенклатуре в ее обновленной версии. Настороженный взгляд прятался под маской подобострастной радости от встречи с губернатором.

Иван Игнатьевич был мэром Зауралья. Региональная столица готовилась к выборам в городскую думу, и чутье, наработанное долгими годами управленческой деятельности, подсказывало мэру, что его вызвали именно по этому поводу.

Видимо, губернатор решил лично курировать подготовку к выборам. Это было неприятно. Иван Игнатьевич ревниво относился к подвижке границ своих полномочий. Он не любил, когда в его вотчину совали нос, даже если это нос губернатора. Но старшему по званию перечить он не мог. Весь его опыт подтверждал простое правило: нельзя кусаться с

задранный вверх головой. Так и подавиться недолго. Кусать можно только тех, кто внизу тебя.

Иван Игнатьевич был старше губернатора, считал того политическим выскочкой и везунчиком, за что недолюбливал и побаивался. С какой радостью он поставил бы ему подножку! Но, судя по множеству примет, к губернатору благоволили в Москве и планировали оставить на новый срок. Против Москвы не попрешь. И Иван Игнатьевич смирился с мыслью, что на его веку другого губернатора уже не будет.

Иван Игнатьевич давно понял простое правило русской политики: чем выше уровень власти, тем меньше шансов ее потерять. То есть можно лишиться одной должности, но тут же подыщут другую. На нижних этажах административной пирамиды свирепствовали шквальные ветры, на срединном уровне ветер стихал, но все же сдувал тех, кто плохо держался. А на самом верху был штиль. Лишь тихий шорох от рокировок фигур. Правда, там все пронизано коварными сквозняками, опасными для здоровья.

Мэру минуло шестьдесят лет, он был проверенным бойцом управленческой армии с многолетним и разнообразным стажем административной работы. Он видел, что в Зауралье главы муниципальных районов менялись, как перчатки на руке светской львицы. Мэры просиживали дольше, но и они летели с известной периодичностью. А губернаторы прочно вращались во вверенную им землю. Про тех, кто повыше, на самом верху этой лестницы, Иван Игнатьевич даже думать

себе запретил. Он окорачивал себя в обобщениях, цензурируя не только слова, но и мысли.

Войдя в кабинет губернатора, Иван Игнатьевич поздоровался крепким рукопожатием и расстегнул пиджак, выбрав для начала разговора нейтральную тему о погоде:

– Жарко нынче. Вроде бы май, а прямо припекает.

– Жарко, говоришь? А на выборах у нас жарко не будет? – губернатор сразу взял быка за рога.

Это «у нас» неприятно кольнуло мэра, но он не подал виду.

– Да вроде, Сергей Палыч, ничего не предвещает. Оппозиционной активности не замечено. Все спокойно. Политтехнологи не дремлют, выясняют электоральные предпочтения горожан, их запросы к власти.

– И что? Какие запросы?

– Все как всегда. Ничего особо интересного.

– А подробнее можно?

Ивану Игнатьевичу почудилось раздражение в голосе губернатора, и он поторопился исправиться.

– Подробнее? Конечно! Запросы населения стабильные, я бы даже сказал, традиционные. Много разговоров про больницу на левом берегу. Спрашивают, когда откроют. Ну ту... помните?

Сергей Павлович скривился. Он помнил этот долгострой, и это был не самый приятный фрагмент его воспоминаний. Больницу в общих чертах построили еще при бывшем губер-

наторе, но на этапе внутренней отделки деньги неожиданно закончились. Почему-то так вышло, что их не хватило. Просто средства выделялись только на больницу (какой идит делал эту смету?), а построили еще пару коттеджей кураторам этого проекта. Потом кто-то из чиновников ушел на заслуженную пенсию, кто-то просто уволился и уехал в заморские дали, короче, концов не найти. И где теперь искать деньги на эту чертову больницу, неясно. Вот найти бы такую область, где люди не болеют, и сесть там губернатором.

– Помню, – мрачно подтвердил Сергей Павлович. – Что политтехнологи советуют?

– Советуют сделать 3D-презентацию этой больницы и показать по местному телевидению. Как перспективный план. Ну и подогнать на время выборов туда строителей, пусть стройка оживет на лето.

– Каких строителей? Ты охренел? Кто тебе деньги на стройку выделял? – Губернатор завелся, он не любил самоуправления. – Ты понимаешь, что областной бюджет уже сверстан и в этом году уже ничего из него не выжмешь?

– Понимаю, – с готовностью признал мэр. – Так мы и не претендуем. Все понимаем, бюджет есть бюджет.

Нам коммунальщики помогут, я уже договорился. Им летом все равно нечего делать. Мы дворников в строителей переоденем, выдадим им каски и пусть они на объекте пошумят, вручим им молотки, перфораторы...

– А вдруг они разболтают? Ну, что реального строитель-

ства нет, что это все блеф, карнавал?

– Пусть болтают. Кто ж их поймет, они же по-русски почти не говорят.

– Это ты сам придумал? Или политтехнологи?

– Где уж мне... – скромно потупился мэр.

– Принято. Что еще?

– Разные наказания в сфере образования, стандартный набор: чтобы детей в школе кормили...

– Тут порешать можно.

– Так ведь бюджет, – растерялся мэр. – Уже все сверстано.

– Бюджет не трогай! Что? На булочку с молоком денег не найдешь? Не надо крохоборствовать! Можно и горячими обедами обеспечить. Пригласи для разговора предпринимателей, которые покрупнее. И тактично им объясни, что или они сейчас булочки с молоком в школу принесут, или им потом родственники в СИЗО передачи носить будут.

– Я думал об этом, Сергей Павлович, но опасно. Они же не дворники, русский язык знают, написать куда-нибудь могут. Сейчас линия сверху на то, чтобы прекратить кошмарить бизнес, сами знаете.

– Смотри! Это тот случай, когда нужно проявить политическую гибкость, дорогой Иван Игнатьевич.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.